

Светлана Малимонова

Симбионт

Светлана Малимонова

Симбионт

«Автор»

2026

Малимонова С. А.

Симбионт / С. А. Малимонова — «Автор», 2026

Представь, что кто-то может нажать кнопку — и ты вдруг перестанешь понимать, где твои мысли, а где чужой приказ. Именно это и произошло: они создали и запустили систему контроля мыслей через электромагнитное волны, чтобы «сделать всех хорошими». И произошла катастрофа, погубившая большую часть населения Земли. Что было дальше, кому и как удалось-таки выжить? Об этом "Симбионт".

© Малимонова С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лис ушёл	5
Глава 2. Незнакомец	8
Глава 3. Человек	10
Глава 4. Хлеб	12
Глава 5. Следы	14
Глава 6. Огород	16
Глава 7. Стекло	22
Глава 8. Дорога	25
Глава 9. Полка	28
Глава 10. Дневник	30
Глава 11. Уголь	33
Глава 12. Мастерская	36
Глава 13. Не доказательство	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Малимонова

Симбионт

Глава 1. Лис ушёл

Лис опять ушёл.

Сначала Лина не придавала этому значения.

Коты всегда уходят. На час. На ночь. Иногда — на целый день. Возвращаются так же бесшумно, как исчезают, словно между их миром и человеческим существует потайная дверь, которую люди никогда не замечали.

Отец говорил, что беспокоиться о кошках — бесполезное занятие.

— Если кот не хочет, чтобы ты его нашла, не найдёшь.

Тогда она смеялась.

Теперь не смеялась.

Сегодня шёл третий день.

Лина сидела на широких гранитных ступенях старой библиотеки. Камень ещё хранил ночную прохладу. Она подтянула колени к груди и посмотрела на пустую улицу.

Когда-то здесь была парковка.

Теперь машины стояли там, где их застала неизвестная беда: у тротуаров, посреди дороги, у входа в аптеку напротив. Некоторые столкнулись друг с другом и так и замерли навсегда. Сквозь разбитые окна проросли молодые клёны. По крышам полз дикий виноград. Асфальт лопнул, и в трещинах уже цвёл жёлтый зверобой.

Ветер лениво перекачивал по дороге высохший кленовый лист.

И больше ничего.

Ни двигателей. Ни человеческих голосов. Ни далёкого гула города.

Иногда Лине казалось, что тишина тоже умеет шуметь. Она ложилась на плечи тяжёлым одеялом, начинала звенеть в ушах, и тогда хотелось сказать вслух хоть что-нибудь — просто чтобы убедиться: мир ещё способен ответить.

Но она давно отучилась разговаривать без необходимости.

Она выжила.

Сначала нашла воду.

Потом начала разводить грибы, как учил её когда-то отец-биолог.

Потом научилась ставить силки.

Собирала жёлуди для лепёшек, орехи, травы, выкапывала дикие корни.

Каждый день начинался одинаково.

За тяжёлой дубовой дверью пахло сырой бумагой, древесной пылью и камнем. Этот запах давно стал для неё запахом дома.

Вестибюль библиотеки встречал привычным полумраком. Огромные окна под самым потолком были затянуты зеленью. Солнечные лучи пробивались внутрь тонкими столбами света, в которых медленно кружились пылинки.

Лина машинально коснулась ладонью колонны.

— Доброе утро, — тихо сказала она.

Когда живёшь одна слишком долго, начинаешь здороваться даже со стенами.

Она прошла мимо стойки выдачи книг. Старый компьютер всё ещё стоял на своём месте, покрытый толстым слоем пыли. На экране застыла её собственная ладонь — маленькое серое пятно, отражённое в чёрном стекле.

Иногда ей казалось, что стоит нажать кнопку питания — и всё снова заработает.

Отец выйдет из читального зала.
Кто-нибудь попросит помочь найти нужную книгу.
За окном загудят машины.
Но она больше никогда не нажимала эту кнопку.
Некоторые надежды опаснее отчаяния.
По узкой лестнице она спустилась в подвал.
Здесь было прохладнее.

На стеллажах из-под книг ровными рядами росли вешенки. Серые шляпки тянулись из влажных мешков с наломанными ветками и сухой травой, словно странные подземные цветы.

Лина внимательно осмотрела каждую грядку.
Срезала два самых крупных гриба.
Записала что-то карандашом в потрёпанную тетрадь.
Ещё отец говорил:
«Если перестанешь считать запасы — начнёшь считать дни».
Тогда она не совсем понимала, что он имел в виду.
Теперь понимала.

Вода набиралась медленно. Капля за каплей стекала из самодельного фильтра в жестяное ведро.

Лина подождала, пока уровень поднимется ещё на палец.
Больше сегодня брать нельзя.
Она уже собиралась подняться наверх, когда остановилась.
Тишина изменилась.
Не исчезла.
Именно изменилась.
Словно в ней появилась ещё одна нота.
Лина замерла.
Прислушалась.
Ничего.

Только далёкое постукивание капель.
Она покачала головой.
Наверное, показалось.
Такое иногда случалось.
Наверху было светлее.
Она открыла тяжёлую дверь библиотеки и вышла на крыльцо.
Солнце уже поднялось высоко.
И в этот момент из-за перевёрнутого автобуса появился Лис.

Он шёл неторопливо, почти лениво, будто отсутствовал не три дня, а всего несколько минут.

В зубах он нёс крупную серую мышь.
— Ну наконец-то... — выдохнула Лина.
Она уже сделала шаг навстречу.
Но остановилась.
Что-то было не так.
Лис даже не посмотрел на неё.
Подойдя почти к самым ступеням, он осторожно положил мышь на камень.
И застыл.
Его уши были плотно прижаты.
Хвост опустил почти до земли.
Взгляд был устремлён не на Лину.

Куда-то ей за спину.
Она медленно обернулась.
Пустая улица.
Разбитые машины.
Кольшущиеся ветви молодых деревьев.
Никого.
— Лис...

Кот не шелохнулся.
Несколько долгих секунд они оба смотрели в одну и ту же сторону.
Потом Лис тихо, почти беззвучно, попятился назад. Ещё шаг. Ещё. И вдруг исчез.
Не бросился бежать. Не прыгнул. Не метнулся в сторону.
Он словно растворился между ржавыми автомобилями.
Лина так и не успела понять, куда именно. Она сделала ещё один шаг вперёд. И тогда услышала. Глухой стук.

Будто где-то совсем рядом наступили на кусок осыпавшегося бетона. Потом ещё один. Медленный. Осторожный. Человеческий.

Лина почувствовала, как сердце ударило где-то в горле.
За три года она почти забыла этот звук.
Кто-то шёл к библиотеке.

Глава 2. Незнакомец

Шаги больше не повторились.

Лина стояла неподвижно, прислушиваясь, так долго, что начали болеть ноги. Ветер снова зашелестел листьями, где-то высоко скрипнула вывеска, качнувшись на одном оставшемся креплении, и улица опять стала прежней — пустой, неподвижной, почти сонной.

Она медленно выдохнула.

— Показалось...

Но произнести это вслух было легче, чем поверить.

Лис не исчезал просто так.

Никогда.

Она наклонилась, подняла мышь, оставленную котом, и машинально завернула её в кусок бумаги. Потом оглянулась ещё раз.

Никого.

Солнце уже перебралось на другую сторону улицы, и длинная тень от старого тополя почти дотянулась до ступеней библиотеки.

Лина вошла внутрь и закрыла дверь.

Не захлопнула.

Осторожно притянула за массивную бронзовую ручку, пока тяжёлое дерево не коснулось косяка. Потом опустила старый засов.

Глухой щелчок прозвучал неожиданно громко.

Она поморщилась.

— Тише...

Словно дверь могла её услышать.

После обеда она решила проверить силки.

Это правило нарушать было нельзя.

Если сегодня в них ничего нет, значит, завтра придётся экономить ещё строже.

Она сняла с крючка старый холщовый рюкзак, сунула внутрь нож, моток тонкой верёвки, флягу с водой и маленький блокнот.

Отец говорил:

— Никогда не выходи без блокнота.

— Почему?

— Память любит обманывать. Бумага — нет.

Тогда ей казалось смешным записывать, где растёт мята или сколько дней созревают грибы. Теперь половина её жизни помещалась на этих пожелтевших страницах.

Когда она открыла дверь, сердце опять невольно ускорило ход. Она ждала, что Лис будет сидеть на верхней ступеньке. Или на капоте старого синего автомобиля. Или хотя бы мелькнёт полосатый хвост.

Но улица была пуста.

Первые две ловушки опять оказались пустыми. В третьей сидел упитанный кролик. Лина опустилась рядом на корточки.

— Прости...

Она всегда говорила это. Не потому, что кто-то мог услышать. Просто отец однажды сказал:

— Если перестанешь благодарить то, что даёт тебе жизнь, подарки прекратятся.

Она быстро сделала всё, что было нужно. Потом долго сидела рядом, глядя на молодые одуванчики, пробившиеся между бетонными плитами.

Раньше здесь был детский сквер. Кажется. Она уже не была уверена.

Иногда воспоминания становились похожими на старые фотографии: лица ещё различимы, а вот цвета исчезли.

Она никак не могла вспомнить, какого цвета были качели. Красные? Зелёные? Или синие?

Вдруг где-то совсем рядом тихо звякнул металл. Не громко. Будто кто-то случайно коснулся жестяной банки. Лина резко подняла голову. Звук донёсся со стороны бывшей автобусной остановки.

Она медленно выпрямилась. Слишком медленно. Чтобы не спугнуть. Чтобы не показать страха.

Минуту ничего не происходило. Потом между кустами мелькнул силуэт.

Человек.

Высокий.

Очень худой.

Он тоже её увидел.

Они замерли одновременно.

Между ними было не больше сорока шагов. Когда-то это расстояние преодолевали за полминуты. Теперь оно казалось бесконечным.

Незнакомец не двигался.

Лина тоже.

Она вдруг поняла, что не может вспомнить, когда последний раз смотрела человеку в глаза. Кажется... Очень давно.

Именно в этот момент из кустов без единого звука появился Лис. Он не подошёл к Лине. Не бросился к незнакомцу. Он просто сел ровно посередине между ними. Подобрал лапы под себя. И стал смотреть то на одного, то на другого. Словно ждал. Словно решение должны были принять люди. А не он.

Глава 3. Человек

Лис не шевелился.

Он сидел между ними так спокойно, словно всю жизнь только этим и занимался — разделял двух незнакомых людей.

Лина первой отвела взгляд. Не от страха. От неожиданности.

Человек оказался совсем не таким, каким она представляла себе людей все эти годы. Он не выглядел сильным. Не выглядел опасным.

Он выглядел... усталым.

Седая щетина почти скрывала лицо. Старая истрепанная куртка висела на плечах слишком свободно, будто за последние месяцы он сильно похудел. На спине — потёртый рюкзак. В правой руке — длинная палка, больше похожая на дорожный посох, чем на оружие.

Он тоже смотрел на Лину с удивлением. Наверное, думал о том же самом.

"Живой человек..."

Прошла почти минута.

Наконец мужчина медленно поднял свободную руку.

Не приветствуя.

Показывая пустую ладонь.

— Я без оружия, — сказал он негромко.

Голос оказался хриплым, словно им давно не пользовались.

Лина ничего не ответила. Она заметила другое. Он говорил тихо. Очень тихо. Почти шёпотом. Будто боялся, что его услышит кто-то ещё.

— Я не причиню тебе вреда.

Лина всё молчала.

Мужчина кивнул, словно именно этого и ожидал.

— Правильно. Не доверяй. Никому.

Кроме...

Он посмотрел на Лису. И неожиданно улыбнулся. Не широко. Одними глазами.

— Кроме него.

Лис даже не повернул головы. Словно разговор людей его совершенно не интересовал.

Первым сел мужчина. Очень медленно. Не сводя глаз с Лины. Он опустился прямо на потрескавшийся бордюр, положил палку рядом и снял рюкзак. Потом достал жестяную кружку. Перевернул её вверх дном. Показал, что она пустая. Снова убрал.

Станный жест.

Лина не поняла его смысла. Позже поймёт.

Это был старый способ показать незнакомцу: *"Мне нечем тебя отравить. Мне нечего у тебя просить."*

Но сейчас она только крепче сжала ремень рюкзака.

Мужчина заметил это.

— Как тебя зовут?

Тишина.

Он вздохнул.

— Моё имя Михаил.

Опять молчание.

— Если не хочешь говорить — не надо. Я и так рад.

— Чему?

Лина сама не заметила, как произнесла это вслух.

Михаил посмотрел куда-то поверх её головы. На пустые окна домов. На заросшую улицу. Потом снова перевёл взгляд на неё.

— Тому, что ещё остался кто-то, кто умеет молчать.

В этот момент Лис поднялся. Потянулся. Неторопливо подошёл к Михаилу. Обнюхал край его сапога.

Михаил даже не шелохнулся. Не попытался погладить. Не позвал. Не протянул руку.

Лис сделал ещё круг. Потом неожиданно потерся боком о его ногу.

Лина почувствовала, как внутри всё сжалось.

За все годы Лис никогда... Никогда не подходил к чужим. Но и чужих не было. Никого.

Михаил улыбнулся. Совсем чуть-чуть.

— Значит, всё-таки поверил.

— Кто?

— Не я. Кот.

Он поднял глаза на Лину.

— Теперь твоя очередь.

Она хотела сказать, что не собирается доверять человеку только потому, что этого захотел кот. Хотела. Но не сказала. Потому что вдруг вспомнила одну странную вещь. За три года Лис ни разу... Ни единого раза... Не ошибся.

Глава 4. Хлеб

Михаил не двигался.

Он словно понимал, что любое резкое движение сейчас разрушит то хрупкое равновесие, которое неожиданно возникло между ними.

Лис уже лежал рядом с ним, вытянув передние лапы и прикрыв глаза. Но Лина слишком хорошо знала своего кота, чтобы обмануться.

Он не спал. Он слушал. Всегда слушал.

Михаил снял рюкзак. Очень медленно. Так, чтобы девочка видела каждое его движение. Расстегнул ремни. Достал свёрток из старого льняного полотенца. Положил перед собой. Развернул.

На ткани лежал небольшой круглый хлеб. Настоящий. Не сухарь. Не лепёшка из жёлудевой муки. Не грибной корж.

Хлеб.

Лина почувствовала запах раньше, чем успела понять, что это за запах. Тёплая память ударила неожиданно. Дом. Мама. Утро. Чайник на плите. Она быстро отвернулась.

Нет. Не сейчас. Не вспоминать.

Михаил осторожно разломил хлеб пополам. Одну половину положил обратно. Вторую разделил ещё раз. Совсем маленький кусочек бросил Лису. Кот даже не посмотрел. Михаил кивнул, словно именно этого и ожидал. Тогда он положил кусочек на камень рядом с собой. Лишь после этого взял свой. И только потом посмотрел на Лину.

— Хлеб всегда едят последним, — тихо сказал он.

Она не поняла.

— Почему?

— Потому что, если человек делится последним хлебом сразу, значит, он не собирается задерживаться у тебя надолго.

Лина нахмурилась.

— Странное правило.

— Нет. Очень старое.

Она всё ещё не подходила. Михаил не уговаривал. Не протягивал хлеб. Не улыбался. Он просто ел маленькими кусочками. Очень медленно. Будто не хотел насытиться. Хотел продлить сам процесс.

Лина вдруг поймала себя на мысли, что уже не помнит, как люди едят вместе.

Одна.

Всегда одна.

За эти годы она привыкла жевать быстро. Почти не замечая вкуса. Еда не всегда была вкусной. Еда давно превратилась в работу.

Где и как набрать воду.

Как заменить фильтр.

Как вырастить грибы.

Как поставить и проверить силки.

Михаил ел иначе. Словно благодарил хлеб за то, что тот существует. И это казалось странным.

Лис наконец поднялся. Подошёл к камню. Обнюхал кусочек. Не стал есть. Вместо этого осторожно взял его зубами. Подошёл к Лине. Положил хлеб возле её ноги. И снова сел.

Она удивлённо посмотрела сначала на кота, потом на Михаила.

Тот только тихо усмехнулся.

— Вот теперь можешь не сомневаться.

— В чём?

— Он уже решил.

— Что решил?

— Что ты голоднее.

Лина хотела возразить. Но не смогла. Потому что Лис действительно всегда приносил ей добычу. Она никогда раньше не задумывалась об этом. Считала это привычкой. Теперь впервые увидела иначе.

— Давно ты с ним? — спросил Михаил.

— С рождения.

— Нет.

Он покачал головой.

— Не так. Давно вы... вместе?

Лина удивилась вопросу.

— Это одно и то же.

Михаил долго молчал. Потом негромко ответил:

— Нет. Совсем не одно и то же.

Он не стал объяснять. Поднялся. Аккуратно завернул оставшийся хлеб. Закинул рюкзак на плечо.

Лис проводил его взглядом.

— Завтра, — сказал Михаил.

— Если он разрешит.

Он кивнул в сторону кота.

И медленно пошёл вниз по улице. Не оборачиваясь.

Лис смотрел ему вслед до тех пор, пока человек не исчез за поворотом.

Только после этого кот повернулся к Лине.

Она присела на корточки.

— Что происходит, Лис?

Кот моргнул. Один раз. Потом неторопливо пошёл к библиотеке. Словно приглашал её следовать за собой.

Лина ещё несколько секунд смотрела на пустую улицу. Потом подняла кусочек хлеба. Он был ещё тёплым. И вдруг ей стало страшно. Не потому, что появился незнакомец. А потому, что впервые за три года рядом оказался человек, которому, кажется, доверял Лис.

И Лина неожиданно поняла одну простую вещь.

Она доверяет Лису гораздо больше, чем самой себе.

Глава 5. Следы

Ночью пошёл дождь. Не сильный. Тихий, почти бесшумный.

Капли мягко стучали по стеклянному куполу читального зала, и библиотека словно снова наполнилась голосами. Лина лежала на своём узком топчане, слушала дождь и думала о человеке, который появился вчера.

Странно.

Все эти годы ей казалось, что, если однажды она встретит кого-нибудь живого, то сразу бросится к нему. Будет смеяться. Плакать. Рассказывать обо всём сразу.

А получилось иначе. Ей всё время хотелось, чтобы Михаил ушёл. И в то же время... Чтобы остался.

Утром Лис разбудил её необычно. Не ткнулся носом в руку. Не запрыгнул на кровать. Он сидел у двери. Совершенно неподвижно. И смотрел.

— Что?

Кот медленно повернул голову. К двери. Потом снова посмотрел на Лину.

Она вздохнула.

— Опять куда-то зовёшь?

Лис уже сидел на лестнице. Ждал. Пришлось одеваться.

— Если это опять мышь...

Он не обернулся.

Дождь смыл пыль с асфальта. Воздух пах мокрыми листьями, землёй и старым камнем. Лис шёл не спеша. То исчезая между кустами, то снова появляясь впереди. Иногда останавливался. Проверял, идёт ли она следом. Потом двигался дальше. Они дошли до бывшего перекрёстка. И здесь Лис сел. Прямо посреди дороги.

Лина подошла.

— Ну?

Кот смотрел вниз.

Она тоже посмотрела. Сначала ничего не увидела. Потом заметила.

След.

Большой отпечаток тяжёлого ботинка. Совсем свежий. Рядом второй. Потом третий. Следы уходили к библиотеке. И возвращались обратно.

Михаил. Он приходил ночью.

Лина присела. Коснулась земли пальцами.

Края отпечатков ещё не успели осыпаться. Значит... Совсем недавно.

Но зачем?

Она подняла голову. На ступенях библиотеки что-то лежало.

Небольшой свёрток.

Она бросилась обратно. Старое полотенце. Перевязанное тонкой бечёвкой. Внутри оказались три картофелины. Несколько луковиц. И пакет. На нём карандашом было написано: **«Посади в землю и поливай».**

Лина осторожно открыла пакет. Семена. Горох. Она долго смотрела на них. Потом вдруг рассмеялась. Тихо. Совсем чуть-чуть. Первый раз за очень долгое время.

— Чудак...

Лис уже сидел рядом.

Она показала ему пакет.

— Представляешь?

Кот моргнул.

— Он думает, что я не умею выращивать горох.

Лис отвернулся. Будто разговор был совершенно неважным.

Только вечером Лина поняла одну странную вещь. Михаил приходил ночью. Подходил совсем близко к библиотеке. Мог войти. Мог забрать всё. Еду. Инструменты. Фильтры. Даже Лиса. Но не сделал этого. Вместо этого оставил семена. Не еду. Будущее.

Она долго сидела на ступенях. Вертела в руках пакет с горохом. Потом неожиданно вспомнила слова отца. Когда-то, очень давно, она спросила его:

— Как узнать, хороший человек или плохой?

Отец улыбнулся и ответил:

— Смотри не на то, что он берёт. Смотри, что он оставляет после себя.

Лина медленно сжала пакет в ладонях.

Где-то впереди, в высокой траве, тихо мелькнул рыжий хвост. Лис охотился.

Лина ела подаренный Михаилом хлеб и представляла футбольное поле, заросшее колющейся пшеницей.

И впервые за три года ей вдруг показалось, что завтра действительно наступит.

Глава 6. Огород

Ночью Лина долго не могла уснуть. Она замочила горох в миске. И несколько раз брала миску в руки. Переворачивала. Снова ставила обратно. Будто боялась, что к утру горох исчезнет.

Утром было солнечно. После дождя воздух стал прозрачным. Даже дальние дома казались ближе.

Лис уже ждал у выхода.

— Нет, — сказала Лина. — Сегодня не ты командуешь.

Кот посмотрел на неё. Медленно сел.

Она улыбнулась.

— Сегодня у нас другое дело.

Она взяла лопату. Лезвие ее было покрыто рыжими пятнами ржавчины. Пришлось долго точить его старым напильником.

Работа оказалась неожиданно приятной. Металл звенел и становился блестящим.

Мир был тихим.

Когда всё было готово, Лина вышла во внутренний двор библиотеки.

Когда-то здесь росли декоративные кусты. Теперь почти всё заросло высокой травой. Но небольшой участок земли ещё оставался свободным.

Она долго выбирала место. Потом воткнула лопату. Земля оказалась мягкой после дождя. Первый пласт перевернулся легко. Запах влажной почвы неожиданно напомнил детство. Огород бабушки, картошку, руки, испачканные землёй.

Голос матери: «Не бросай семечко. Положи аккуратно. Оно живое.»

Лина остановилась.

Странно.

Она уже почти забыла этот голос.

Работа заняла почти всё утро.

Лис сначала наблюдал. Потом ему наскучило. Он исчез в кустах. Вернулся с мышью. Аккуратно положил её рядом. Сел. Посмотрел на Лину.

— Спасибо, — сказала она.

— Но сегодня я не голодная.

Лис недовольно дёрнул хвостом. Подождал. Понял, что добычу всё равно не возьмут. И унёс её обратно.

Лина тихо рассмеялась. Наверное, впервые за долгое время ей было легко. Не потому, что жизнь стала проще. Нет. Просто сегодня она делала что-то не ради того, чтобы пережить ещё один день. А ради следующего месяца. И, может быть... Следующей весны.

Когда солнце поднялось выше, она закончила последнюю борозду. Осторожно высыпала на ладонь несколько горошин. Они были совсем маленькими. Ничем не отличались от тех, что когда-то продавались в любом магазине. Но сейчас казались драгоценностью.

Она положила первую в землю. Потом вторую. Третью... Не спеша. Словно знакомилась с каждой. Потом засыпала землёй. Полила из старой лейки. И долго стояла молча. Над свежей грядкой. Потом она посадила и картофелины.

— Теперь ваша очередь, — тихо сказала она.

Ветер едва заметно качнул молодые листья клёна. За спиной послышался знакомый хруст ветки.

Лина не обернулась.

— Доброе утро, Михаил.

Наступила короткая тишина.

— Доброе, — ответил он. — Я надеялся, что ты не рассердишься за мой ночной визит. Лина покачала головой.

— Нет.

Она посмотрела на грядку.

— Спасибо.

Михаил тоже перевёл взгляд на аккуратные рядки.

Некоторое время они оба молчали. Потом он тихо сказал:

— Знаешь... три года назад мне казалось, что после Катастрофы люди будут искать оружие.

Он улыбнулся.

— А оказалось, самое ценное — это пакетик с семенами.

Лина посмотрела на него. И впервые подумала, что отец как биолог, наверное, сразу нашёл бы с Михаилом общий язык.

Михаил не стал подходить ближе. Остановился у старой липы. Будто спрашивал разрешения.

Лина вытерла руки о штаны.

— Проходите.

Он кивнул.

За плечами висел потёртый рюкзак. Тот самый. Который она уже видела.

Лис появился неизвестно откуда. Медленно обошёл Михаила кругом. Остановился. Понюхал ботинок. Потом спокойно пошёл дальше.

Михаил улыбнулся.

— Значит, сегодня проверку прошёл.

Лина ничего не ответила. За три года она привыкла доверять Лису. Иногда даже больше, чем самой себе.

Они сидели на ступенях. Между ними стояла старая жестяная кружка.

Лина заварила сушёную мяту. Чай почти не пах. Но был горячим. А этого уже было достаточно.

Михаил долго смотрел на двор. На свежевскопанную землю. На библиотеку. Будто что-то вспоминал.

— Красиво здесь.

— Было красивее.

— Нет.

Он покачал головой.

— Сейчас тоже красиво. Просто иначе.

Лина посмотрела вокруг. Трещины на стенах. Разбитые окна верхнего этажа. Берёза, выросшая прямо из лестницы. Трава по пояс.

Красиво?

Она не была уверена.

— Ты здесь давно? — спросил Михаил.

— Почти три года.

— Всё время одна?

— Не одна.

Она посмотрела на Лису.

Кот лежал в солнечном пятне. Даже не поднял головы.

Михаил кивнул.

— Конечно.

Потом осторожно спросил:

— Родители?

Лина опустила взгляд.

Несколько секунд слышно было только, как ветер шелестит листьями.

— Их нет.

Михаил больше ничего не спрашивал.

И она была ему за это благодарна. Через некоторое время он открыл рюкзак. Достал маленький свёрток. Развернул ткань. На ладони лежали несколько ржавых гвоздей. Две дверные петли. И небольшой молоток.

— Нашёл вчера.

— Где?

— В мебельном магазине.

Лина удивлённо посмотрела.

— Там ещё что-то осталось?

— Почти ничего. Но склад был закрыт. Пришлось разбирать стену.

Он сказал это так спокойно, словно речь шла о прогулке.

— Зачем вам петли?

Михаил поднял голову.

— У тебя дверь плохо закрывается.

Она невольно оглянулась. Действительно.

Последние месяцы тяжёлая деревянная дверь всё сильнее проседала. Приходилось подпирать её металлическим ломиком.

— Я заметил ещё ночью.

Лина нахмурилась.

— Значит, вы всё-таки заходили.

— Нет.

Он покачал головой.

— Только поднялся на крыльцо. Дверь была приоткрыта. Я не стал заходить.

Некоторое время оба молчали.

Потом Лина неожиданно спросила:

— Почему?

Михаил не сразу понял.

— Почему не зашёл?

Он долго думал. Очень долго. Наконец тихо сказал:

— Потому что три года назад кто-то точно так же не вошёл в мой дом.

Лина посмотрела на него.

— Что случилось?

Он опустил глаза.

— Не знаю.

Когда я вернулся... на крыльце лежал мешок с картошкой. Топор. И записка: «Живи».

Он грустно улыбнулся.

— До сих пор не знаю, кто это был.

Они долго сидели молча.

Ветер перебирал листья клёна. Где-то высоко перекликались птицы.

Лис вдруг поднял голову. Насторожился. Посмотрел куда-то за ограду. Но не испугался. Просто слушал. Потом снова лёг.

Михаил тоже заметил.

— Он часто так делает?

— Почти каждый день.

— И всегда просто слушает?

Лина кивнула.

— Иногда мне кажется...

Она запнулась.

— Что?

— Что он слышит мир иначе.

Михаил улыбнулся.

— Мне кажется, не только он.

Он посмотрел на Лину.

— Просто мы разучились слушать.

Солнце уже перевалило за полдень.

Михаил поднялся.

— Пойду.

— Уже?

— У меня дорога длинная.

Он закинул рюкзак на плечо. Потом словно вспомнил что-то.

— Если завтра будет сухо...

Он посмотрел на крышу библиотеки.

— Нужно её посмотреть. До осени ещё далеко. Но времени теперь всегда меньше, чем кажется.

Лина проследила за его взглядом.

На стеклянном куполе действительно не хватало нескольких секций.

После дождя она поставила три ведра. За ночь они почти наполнились.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра.

Михаил улыбнулся. Совсем немного. И ушёл по заросшей дороге.

Лина долго смотрела ему вслед. Потом перевела взгляд на грядку. Земля уже подсыхала под солнцем.

Ничего не изменилось. Но ей вдруг показалось, что библиотека стала чуть менее пустой.

На следующий день Михаил пришёл рано. Солнце только поднялось над крышами. Роса ещё не успела высохнуть.

Лина слышала шаги задолго до того, как увидела его. Тяжёлые. Неторопливые. Человек, который не прячется.

Лис тоже слышал. Поднял голову. Но не побежал. Только проводил взглядом.

— Доброе утро, — сказал Михаил.

— Доброе.

Он положил возле ступеней длинную деревянную рейку. Потом ещё одну. Затем аккуратно снял с плеча свёрток. Внутри оказались стамеска, старый рубанок и коробка с саморезами.

Лина удивлённо посмотрела.

— Где вы всё это находите?

— Оно никуда не делось.

Он пожал плечами.

— Просто теперь никому не нужно.

Они поднялись на крышу. Стекланный купол оказался ещё больше, чем казался снизу. Некоторые секции были целы. Другие рассыпались ещё в первые месяцы после Катастрофы. Между металлическими рёбрами уже выросла трава. В одном месте даже прижилась молодая берёзка.

Михаил осторожно потрогал раму.

— Ещё крепкая.

— Правда?

— Лет на десять хватит. Если помогать.

Он сказал это так спокойно, словно говорил о живом существе.

Лина невольно положила ладонь на холодный металл. Ей вдруг стало жалко библиотеку. Раньше она думала только о себе. О воде. О еде. О дровах. Теперь впервые подумала о здании. Оно тоже выживало. Все эти три года.

Работали молча. Михаил снимал проржавевшие крепления. Лина придерживала доски.

Лис устроился в тени купола. Иногда открывал глаза. Следил. Потом снова засыпал.

Молчание не тяготило. Наоборот. Оно оказалось удивительно лёгким.

Лина вдруг поняла, что впервые за три года ей не нужно разговаривать вслух с самой собой. Рядом был человек. Этого было достаточно.

К полудню солнце начало припекать.

Михаил вытер лоб рукавом.

— Перерыв?

Лина кивнула.

Они спустились вниз.

Она достала две жестяные миски. В одну положила варёную картошку. В другую — сушёные грибы.

— Скромно.

— Зато своё.

Михаил улыбнулся.

— Сейчас это роскошь.

Некоторое время ели молча. Потом он неожиданно спросил:

— Ты каждый день открываешь библиотеку?

— Конечно.

— Для кого?

Она посмотрела на огромные двери. Они действительно были открыты. Каждое утро. Каждый вечер она закрывала их. Каждое утро открывала снова.

Лина задумалась. Она никогда не задавала себе этот вопрос.

— Не знаю. Наверное... На случай, если кто-нибудь придёт.

— За три года никто не пришёл.

— Вы пришли.

Михаил ничего не ответил. Только медленно кивнул.

После обеда они продолжили работу. Когда меняли одну из рам, Лис неожиданно вскочил. Шерсть на спине слегка поднялась. Он быстро прошёл по стеклянной галерее. Остановился у западной стороны крыши. Замер.

Лина сразу заметила перемену.

— Что такое?

Кот не шелохнулся. Смотрел куда-то вдаль.

Михаил тоже подошёл.

Оба молча посмотрели в ту же сторону. Сначала они ничего не увидели. Потом Лина заметила движение. Далеко. Очень далеко. На противоположной улице.

Между деревьями медленно шёл человек.

Он был так далеко, что невозможно было различить лицо. Только силуэт. Высокий. Очень худой. Он не оглядывался. Не искал дорогу. Шёл ровно. Будто давно знал, куда идёт. Через несколько секунд его закрыли деревья. И улица снова опустела.

— Вы его знаете? — тихо спросила Лина.

Михаил долго не отвечал. Потом покачал головой.

— Нет.

Лина посмотрела на Лиса. Кот продолжал стоять неподвижно.

И впервые за всё время знакомства Михаил произнёс слова, в которых прозвучала тревога.

— Странно...

— Что?

— За последние полгода я не встретил ни одного человека.

Он ещё немного помолчал.

— А теперь уже второго.

Их взгляды встретились.

Никто не произнёс вслух того, о чём подумали оба.

Если спустя три года выжившие начали выходить друг к другу...

Значит, в мире что-то меняется.

Глава 7. Стекло

Утром библиотека проснулась раньше Лины. Точнее, не библиотека. Солнце.

Оно медленно поднималось над городом и проходило сквозь уцелевшие стеклянные секции купола. Свет ложился на книжные полки длинными золотыми полосами. Пыль в них медленно кружилась, будто всё ещё никуда не спешила.

Лина открыла глаза.

Лис уже сидел у окна. Смотрел наружу.

— Доброе утро.

Кот даже не обернулся.

Она поднялась. Первым делом вышла во двор. Грядка выглядела точно так же, как вчера. Только земля стала чуть светлее. Она принесла ведро воды, лейку. Полила осторожно. Не торопясь. Потом долго стояла рядом.

Ничего не происходило. И всё же ей казалось, что там, под землёй, уже началась какая-то незаметная работа.

Михаил пришёл почти одновременно с солнцем. На этот раз без рюкзака. Зато с длинной деревянной лестницей на плече.

— Откуда лестница?

Он улыбнулся.

— Вспомнил, где оставил.

Они прислонили лестницу к стене. Она оказалась тяжёлой. Старая древесина потемнела от времени, но ещё держалась крепко.

— Сегодня закончим северную сторону, — сказал Михаил.

— А потом?

— Потом придётся искать стекло.

Лина посмотрела вверх. В некоторых проёмах стекло действительно треснуло. Через трещины внутрь попадал дождь. Она привыкла к этому.

Но теперь, когда Михаил начал чинить библиотеку, вдруг стало понятно, сколько ещё работы впереди.

Наверху было тихо. Слышно только ветер. И стук молотка.

Михаил работал спокойно. Без лишних движений. Будто всю жизнь только тем и занимался, что ремонтировал старые крыши.

Лина подавала инструмент. Иногда придерживала доску. Иногда просто смотрела, как он работает.

— Вы ведь не плотник?

— Нет.

— Тогда где научились?

Он усмехнулся.

— После Катастрофы быстро осваиваешь новые профессии.

Немного помолчал.

— До неё я вообще ничего не умел делать руками.

Лина удивлённо посмотрела. Не поверила.

— Правда.

Михаил выпрямился.

— Работал за компьютером. Целыми днями. Если ломался кран — вызывал сантехника. Если пропадал свет — электрика. Если не заводилась машина — механика.

Он провёл ладонью по деревянной раме.

— Потом исчезли все. И пришлось учиться самому.

К полудню они закончили.

Северная часть купола стала выглядеть аккуратнее. Даже свет в библиотеке изменился. Теперь он не рассыпался по полу десятками тонких лучей. А ложился ровнее. Лина этого раньше не замечала.

Михаил тоже посмотрел вниз.

— Видишь?

— Что?

— Книгам больше не будет капать на голову.

Она тихо засмеялась.

— Думаете, им это важно?

— Конечно.

Он сказал это совершенно серьёзно.

— Они и так пережили слишком многое.

После обеда Михаил неожиданно спросил:

— Покажешь мне фонд?

— Какой?

— Куда не пускаешь дождь.

Она поняла. Хранилище. Туда она почти никого не пустила бы. Даже если бы было кого пускать. Некоторое время она колебалась. Потом молча достала связку ключей. Они спустились в подвал. Воздух сразу стал прохладнее. Толстые стены почти не пропускали летнюю жару.

Михаил остановился у двери. Подождал. Пока Лина сама откроет.

Она вставила ключ. Замок щёлкнул неожиданно громко.

За дверью было темно.

Лина зажгла керосиновую лампу. Пламя дрогнуло. Потом стало ровным. Свет медленно пополз по стеллажам.

Книги. Сотни. Тысячи. Некоторые ещё в заводской упаковке. Другие в переплётах, потёртых десятками рук.

Михаил снял кепку. Лина заметила это не сразу. Он стоял неподвижно. Смотрел вокруг. Будто оказался не в подвале. А в храме.

— Красиво, — тихо сказал он.

Лина улыбнулась.

— Я тоже так думаю.

Он медленно прошёл вдоль стеллажа. Провёл пальцами по корешкам. Ничего не взял. Только читал названия.

— Ты все их прочитала?

Она покачала головой.

— Нет.

— А сколько?

— Не знаю. Много. Но теперь читаю медленнее.

— Почему?

— Потому что новых книг больше никто не напишет.

Михаил посмотрел на неё. Потом снова на полки. И долго молчал.

Когда они поднялись наверх, солнце уже клонилось к вечеру.

Лис сидел на крыльце. Будто всё это время ждал. Он подошёл к Михаилу. Потёрся боком о его ногу. Совсем легко. И сразу отошёл.

Лина замерла.

— Что?

— Ничего.

Она покачала головой.

— Просто... Он никогда так не делает.

Михаил присел.

Лис спокойно посмотрел ему в глаза. Потом сел рядом.

— Кажется, — тихо сказал Михаил, — сегодня меня приняли в библиотеку.

Лина ничего не ответила. Она смотрела на кота. И почему-то именно сейчас ей стало окончательно спокойно.

Не потому, что Михаил помогал чинить крышу. Не потому, что принёс семена. И даже не потому, что ничего не украл. А потому, что Лис сделал выбор раньше неё.

И впервые за долгое время Лина позволила себе подумать, что доверие — это тоже вещь, которая однажды возвращается в мир.

Пусть сначала совсем маленькими шагами.

Глава 8. Дорога

Через три дня закончились гвозди. Лина пересчитала оставшиеся. Сложила обратно в жестяную банку. Покачала головой.

— Всё.

Михаил заглянул внутрь.

— Я так и думал.

— Много ещё нужно?

— Да.

Он посмотрел на крышу.

— Без гвоздей дальше нельзя.

Лина закрыла банку.

— Где искать?

— Недалеко отсюда есть мастерская. Если всё не растащили...

Он не договорил. Оба понимали. За три года могли растащить всё. А могли не тронуть вовсе. Теперь это всегда была лотерея.

После завтрака собрались быстро. Лина взяла старый рюкзак. Положила бутылку с водой. Нож. Небольшую аптечку.

Михаил на всякий случай взял ломик.

Лис уже ждал у калитки.

— Ты тоже идёшь?

Кот моргнул. Будто вопрос был лишним. Он любил путешествовать. Правда, время от времени его приходилось тащить на руках.

Они шли молча.

Когда рядом долго живёшь один, привыкаешь говорить только тогда, когда действительно есть что сказать.

Улицы постепенно менялись. Возле библиотеки деревья ещё оставляли место для дороги. Дальше асфальт почти исчез. Корни разломали его. Высокая трава скрывала трещины. Из окон домов свисали молодые клёны. Некоторые балконы превратились в маленькие сады. Природа не торопилась. Она просто жила.

— Здесь раньше ходил автобус, — сказала Лина.

— Помню.

— Каждый день опаздывал.

Михаил усмехнулся.

— Значит, ничего не изменилось.

Она посмотрела на пустую улицу.

— Изменилось. Очень многое.

Он ничего не ответил.

У автобусной остановки всё ещё висело расписание. Бумага выцвела. Буквы почти исчезли. Но можно было разобрать цифры.

Лина остановилась.

— Смотрите.

Михаил подошёл ближе.

— Забавно.

— Что?

— Раньше люди смотрели сюда и думали, сколько осталось ждать.

Он провёл рукой по стеклу.

— Теперь ждать некого.

Они пошли дальше. Старый дом с заросшей травой крышей стоял немного в стороне от дороги. Окна были разбиты. Над дверью всё ещё держалась старая вывеска. Несколько букв исчезли.

Но слово всё ещё можно было прочитать:

МАСТЕРСКАЯ.

Михаил остановился.

— Здесь раньше работали. Может, что-нибудь осталось.

Лис проскользнул в мастерскую первым.

Внутри было прохладно. Пахло пылью, старым деревом и машинным маслом. На стенах висели инструменты. Всё покрывал толстый слой пыли, но некоторые инструменты лежали так, будто ими пользовались совсем недавно.

Лина медленно прошла к дальней полке. На ней стояли коробки.

В одной были гвозди.

Она взяла коробку. Потрясла. Внутри зазвенело.

— Что-то нашли.

Михаил улыбнулся.

— Уже не зря пришли.

Они нашли ещё одну коробку. И ещё. Гвоздей оказалось больше, чем нужно.

— Значит, крыша будет, — сказала Лина.

— Будет.

В этот момент Лис исчез из комнаты.

Лина сначала не обратила внимания. Потом всё-таки спросила:

— Где он?

Михаил оглянулся.

— Только что был здесь.

Они позвали. Ответа не было.

Лина почувствовала лёгкое беспокойство.

— Лис!

Тишина.

Потом из дальней части мастерской донёсся тихий звук.

Лина и Михаил пошли туда.

Лис сидел возле старого верстака. А рядом с ним, на металлическом стуле, лежал большой чёрный кот.

Лина невольно остановилась.

Кот поднял голову.

Широкая голова. Мощная шея. Чёрная шерсть с отдельными серебристыми волосками на морде.

Михаил улыбнулся.

— Уголь. Это мой кот.

Кот посмотрел на него.

Потом медленно прыгнул со стула и подошёл.

Потёрся головой о его руку.

Михаил опустил на колени и погладил его по спине.

— Привет, Уголь.

Уголь тихо мурлыкнул. Михаил нашёл его миску и положил туда немного принесенной для него еды.

— Он всё время уходит сюда, и я иногда прихожу сюда и подкармливаю его.

Лина улыбнулась.

— Значит, вот какой он.

— Да.

Лис подошёл ближе Углю. Тот посмотрел на него.

Два кота замерли друг напротив друга.

Потом обнюхали друг друга и разошлись.

Будто уже всё выяснили.

— Они знакомы? — спросила Лина.

Михаил покачал головой.

— Не знаю.

— Но ведут себя так, будто знакомы.

— Я тоже заметил.

Уголь снова запрыгнул на стул.

Лина посмотрела на коробки с гвоздями.

— Нам, кажется, пора домой.

Михаил кивнул.

— Пойдём.

Обратно они шли медленнее. Рюкзак стал тяжелее. Но Лина почти не чувствовала веса. Она всё думала о велосипеде.

— Знаете, — тихо сказала она уже возле библиотеки.

— Что?

— Мне раньше казалось... что самое страшное после Катастрофы — пустые улицы.

Она открыла калитку.

— Нет. Самое страшное — вещи, которые до сих пор кого-то ждут.

Михаил посмотрел на неё. Потом перевёл взгляд на Лису. Кот первым вошёл во двор. Словно возвращал их домой.

А далеко за крышами домов медленно садилось солнце. И в его тёплом свете старый мир ещё ненадолго становился похож на тот, в котором когда-то жили люди.

Глава 9. Полка

На четвёртое утро Михаил пришёл без инструментов. Только с небольшим холщовым мешком.

— Сегодня отдых? — спросила Лина.

— Нет.

Он поставил мешок на ступени.

— Сегодня будем разбирать книги.

Лина удивлённо посмотрела на него.

— Разбирать?

— Не читать.

Улыбнулся он.

— Спасать.

После последнего дождя вода всё-таки нашла дорогу. Не туда, где они меняли стекло. Чуть дальше. По старой трещине. Она стекала по металлической балке прямо на один из стеллажей. Лина давно подставила ведро. Но несколько книг всё равно отсырели.

Михаил осторожно снял первую. Переплёт покоробился. Страницы волнились.

— Есть сухое помещение?

— Есть.

Они перенесли книги в маленькую комнату, где когда-то работали реставраторы. Здесь было тепло. Сухо. На стене до сих пор висел выцветший плакат. «Берегите книгу».

Лина вдруг улыбнулась.

— Смешно.

— Что?

— Раньше это казалось обычными словами. Теперь — почти законом.

Работали медленно. Каждую книгу открывали. Перекладывали страницы чистой бумагой. Расставляли веером. Некоторые уже нельзя было спасти.

Лина тяжело вздыхала. Каждый раз. Михаил ничего не говорил. Только однажды произнёс:

— Их не обязательно сохранить все.

Она резко подняла голову.

— Обязательно.

Он выдержал её взгляд. Потом спокойно спросил:

— Даже если из-за этого не останется сил сохранить себя?

Лина не ответила. Она осторожно разгладила ладонью влажную страницу. Будто книга могла почувствовать прикосновение.

К полудню Лис исчез. Это уже никого не удивляло. Иногда он уходил на несколько часов. Потом возвращался. Обычно с добычей. Или без неё. Но всегда спокойный. Сегодня он вернулся почти сразу. Без мыши. Без птицы. Походил по комнате, потом запрыгнул на стол, сел прямо перед Михаилом и положил на раскрытую книгу маленький зелёный но сухой лист. Самый обычный. Берёзовый.

Лина рассмеялась.

— Подарок?

Михаил осторожно взял лист. Покрутил в пальцах.

— Нет.

— Почему?

Он показал на край. Лист был аккуратно свёрнут. словно долго лежал зажатым между страницами.

— Этот лист был в книге.

Лина нахмурилась. Она открыла последнюю спасённую книгу. Между страниц действительно остался светлый отпечаток. Когда-то здесь лежал этот самый лист. Много лет. А теперь выпал. Она вдруг представила человека, который однажды сорвал его. Положил в книгу как закладку. Закрыв её. Наверное, собирался дочитать завтра. Но завтра так и не наступило.

Они долго молчали. Потом Михаил тихо сказал:

— Иногда мне кажется... Катастрофа не закончилась. Она тихо продолжается.

Лина посмотрела в окно. Во дворе качались молодые клёны. На грядке показалась первая тонкая зелёная петелька. Она была такой маленькой, что её легко было не заметить.

Лина вышла во двор. Опустилась на колени. Да. Первый росток. Она осторожно коснулась земли рядом. Не самого ростка. Только земли.

— Взошёл, — сказала она почти шёпотом.

Михаил тоже вышел. Долго смотрел. Потом улыбнулся.

— Значит... Будет ещё один год.

Лис сидел рядом. Смотрел не на росток. На Лину. И ей вдруг показалось, что кот понимает её радость не меньше, чем она сама.

Вечером она записала в свой блокнот всего одну строчку. "Сегодня взошёл горох." Потом немного подумала. И добавила: "Наверное, надежда тоже растёт медленно."

Глава 10. Дневник

Дождя не было уже четыре дня. Крыша высохла. В библиотеке стало светлее.

Лина заметила это утром, когда открыла двери читального зала. Солнце легло на пол широкой полосой и дошло почти до самого стола. Раньше здесь всегда было немного темнее. Она остановилась. Посмотрела вверх. Михаил действительно хорошо поработал.

— Красиво, — сказала она.

Лис сидел на подоконнике. Он посмотрел на потолок. Потом на Лину.

— Не спорь.

Кот отвернулся.

После завтрака Михаил пришёл с инструментами. Сегодня они собирались разобрать старый стеллаж. Он стоял в дальнем конце читального зала и давно начал отходить от стены. Лина обходила его уже несколько месяцев. Однажды он почти упал. Тогда она просто подперла его тяжёлым ящиком. Но теперь Михаил сказал:

— Его лучше разгрузить.

— А если развалится?

— Поэтому и разгружаем.

Они убрали книги. Большинство из них оказались старыми справочниками. Некоторые Лина никогда не открывала. Она складывала их на пол. Михаил открутил верхнее крепление. Потом второе. Стеллаж слегка качнулся.

— Держи.

Лина взялась за край.

— Держу.

Они медленно отодвинули его от стены. За ним оказалось серое пятно. Пыль. Паутина. И коробки.

Лина замерла.

— Здесь какие-то коробки.

Михаил присел.

— Похоже это какие-то документы.

Она посмотрела на него.

— Я никогда это не видела.

— Значит, сложили и забыли.

На верхней коробке было написано:

АРХИВ. 2009–2022.

Лина присела. Провела рукой по крышке. Пыль поднялась маленьким облаком. Она чихнула.

Лис тут же подошёл. Понюхал коробку. Отступил.

— Что скажешь?

Кот посмотрел на неё. И сел.

Первую коробку открыли на полу. Внутри лежали старые документы. Счета. Письма. Какие-то списки. Фотографии.

Лина быстро просмотрела несколько папок. Ничего интересного.

— Может, оставить?

Михаил покачал головой.

— Посмотри ещё.

Она достала следующую папку. Потом ещё одну. И вдруг увидела небольшой чёрный блокнот. Без названия. Без подписи. Он лежал отдельно. Лина открыла первую страницу. Почерк был мелкий. Аккуратный.

14 апреля. Год не указан.

Она перевернула страницу.

Там было всего несколько строк.

"Сегодня опять пришли трое. Все спрашивали одно и то же."

Ниже: *"Почему кошки не боятся?"*

Лина перечитала. Потом посмотрела на Михаила.

— Что это значит?

— Не знаю.

Она перевернула страницу. *"В лаборатории говорят, что это обычное поведение животных. Я не верю."*

Следующая запись была сделана через два дня. *"У них снова изменились показатели."*

Ещё страница. *"Сегодня привезли аппаратуру. Сказали, что ненадолго."*

Потом несколько пустых страниц. И новая дата.

3 мая. *"Люди начали жаловаться на шум."*

Лина нахмурилась. Михаил сел рядом. Они читали молча. Записи были короткими. Иногда между ними проходило несколько дней. Иногда — несколько недель. Никаких объяснений. Никаких имён. Только наблюдения.

"У кошек реакции нет."

"У людей снова головные боли."

"Собрали данные. Отправили в лабораторию."

"Ответа пока нет."

Лина остановилась.

— Вот.

Она вернулась на предыдущую страницу. Прочитала ещё раз. Потом медленно подняла глаза.

— Здесь написано «снова».

— Да.

— Значит, это уже происходило раньше.

Михаил ничего не ответил. Она перевернула страницу. Почерк вдруг стал неровным.

"Сегодня ночью проснулся от звука. Казалось, кто-то зовёт меня из коридора."

Ниже: *"Кошка не реагировала."*

Ещё ниже: *"Проверил аппаратуру. Всё выключено."*

Последняя запись была короткой. Без даты.

"Если это повторится, дело не в аппаратуре."

И всё. Дальше страницы были пустыми.

Лина долго держала блокнот в руках. В библиотеке было тихо. С улицы доносился звук ветра. Где-то хлопнула незакреплённая ставня.

— Кто это написал? — спросила она.

Михаил посмотрел на первую страницу.

— Не знаю.

— А почему здесь нет года?

Он взял блокнот. Осмотрел переплёт.

— Может быть, вырвали первую страницу.

Лина задумалась.

— Зачем?

— Не знаю.

Он положил блокнот обратно. Лина не стала его убирать. Оставила рядом.

— Нужно прочитать дневник как следует. Позже.

Михаил кивнул. К вечеру после спасения книг он ушел. Остальные коробки решили разбирать на следующий день.

Лина унесла дневник в свою комнату. Положила на стол. Сверху — тяжёлую книгу. Будто кто-то мог прийти ночью и забрать его.

Перед сном она снова открыла блокнот. Прочитала последнюю запись.

"Если это повторится, дело не в аппаратуре."

Она долго смотрела на эти слова. Потом перевела взгляд на Лиса. Кот лежал у двери. Спокойный. Как всегда.

— Ты ведь что-то знаешь?

Лис открыл глаза. Посмотрел на неё. Ничего не ответил.

Лина улыбнулась.

— Ладно.

Она закрыла дневник. Погасила лампу.

И только когда легла, впервые за три года ей пришла в голову мысль, от которой стало немного не по себе.

Возможно, Катастрофа началась не три года назад.

Возможно...

Три года назад она закончилась.

Глава 11. Уголь

Утром Михаил пришёл позже обычного. Лина уже успела принести воду. Проверила грядку. И два раза прошла по библиотеке, хотя делать там было нечего.

Она ждала его. Не признаваясь себе в этом. Когда наконец услышала шаги, сразу вышла на крыльцо.

— Вы опоздали.

Михаил посмотрел на солнце.

— На двадцать минут.

— Всё равно.

Он улыбнулся.

— Извини.

В руках у него был тканевый мешочек.

Лина посмотрела.

— Что там?

— Сушеные яблоки.

Он положил мешочек на ступени.

Лис тут же подошёл. Понюхал. Потом сел рядом.

— Нет, — сказал Михаил.

Кот посмотрел на него.

— Это не тебе.

Лис медленно моргнул. И ушёл.

Лина рассмеялась.

— Кажется, вы ему нравитесь.

— Мне кажется, он просто понял, что со мной можно спорить.

Они вернулись к архиву. Коробки всё ещё стояли внизу. Лина принесла дневник. Михаил долго смотрел на него.

— Ты вчера читала?

— Да.

— Нашла что-нибудь?

— Пока нет.

Она помолчала.

— Но там написано про кошек.

Михаил посмотрел на неё.

— Что именно?

Лина открыла нужную страницу.

— «У них снова изменились показатели».

Он нахмурился.

— Показатели чего?

— Не знаю.

Она перелистнула.

— А ещё здесь написано, что люди слышали шум.

— И кошки не реагировали.

— Да.

Михаил ничего не сказал. Только провёл пальцем по краю страницы.

— Надо найти продолжение.

Они разобрали вторую коробку. Потом третью. Большая часть документов оказалась бесполезной. Старые счета. Инвентарные списки. Письма. Фотографии.

Но в самом низу третьей коробки Лина нашла тонкую папку. На ней стояла дата.
2019.

Внутри было несколько газетных вырезок. Она разложила их на полу.

Первая статья рассказывала о массовой гибели птиц.

Вторая — о странном поведении домашних животных.

Третья была почти полностью выцветшей. Но несколько строк ещё читались. Лина наклонилась ближе.

— Михаил.

Он подошёл. Она прочитала:

— «Исследователи отмечают необычную способность некоторых видов животных ориентироваться в условиях искусственных электромагнитных помех».

Ниже было подчёркнуто карандашом: **«Особенно кошек».**

Они посмотрели друг на друга.

— Двадцать лет назад? — спросил Михаил.

— Похоже.

— Значит, это началось раньше.

Лина снова посмотрела на дату. 2019.

Катастрофа была три года назад.

Но записи были сделаны за десятилетия до неё.

Лина почувствовала странный холод. Не страх. Пока нет. Скорее ощущение, что перед ней открылась дверь. А за ней было слишком много темноты.

Ночью Лина снова читала дневник. На этот раз она дошла до записи, которую раньше пропустила. Она была написана на внутренней стороне обложки. Совсем мелко.

Будто автор не хотел, чтобы её заметили.

"Наблюдение продолжается. Кошки чувствуют изменения раньше приборов."

Ниже: *"Не только чувствуют."*

И ещё одна строка.

"Они меняют поведение людей рядом с собой."

Лина перечитала. Потом ещё раз. В комнате было тихо. Лис лежал у двери. Она посмотрела на него.

— Это про тебя?

Кот открыл глаза.

Лина взяла карандаш. Подчеркнула последнюю строчку. И вдруг заметила ещё одну запись. Ещё мельче. Почти у самого переплёта.

"Если они действительно влияют друг на друга, необходимо наблюдать пары."

Пары.

Лина медленно закрыла дневник. Слово осталось в голове. Не кошки. Не люди. Пары. Она посмотрела на Лиса. Потом на пустой стул Михаила. И впервые подумала о том, что же происходило между человеком и кошкой. Не сегодня. Не три года назад. Возможно, гораздо раньше. За много лет до Катастрофы. За десятилетия.

Может быть, именно поэтому автор дневника вообще начал свои наблюдения.

Утром пришёл Михаил. Остановился у лестницы.

— Уголь был здесь ночью.

Лина вышла на крыльцо.

— Откуда вы знаете?

Михаил показал на землю.

На влажной траве были следы. Большие. Кошачьи. Совсем свежие.

Лис медленно пошёл по следам. Но не в сторону леса. Он обогнул дом и остановился у старой скамейки под яблоней. Там, в высокой траве, лежал Уголь.

Он не спал. Он смотрел на них.

Михаил улыбнулся.

— Кажется, он решил, что мы слишком долго не приходили сами.

Глава 12. Мастерская

Уголь лежал в траве спокойно. Он не стал убегать, когда они подошли.

Михаил опустился на корточки.

— Привет, большой.

Уголь тихо мурлыкнул. Лис сел рядом, соблюдая почтительную дистанцию. Два кота. Один — большой и чёрный, с серебром на морде. Другой — быстрый и осторожный. Они не касались друг друга, между ними не было напряжения.

— Вы сказали «первое время», — вспомнила Лина, глядя на котов. — В мастерской. Что он жил там первое время.

Михаил кивнул. Он не вставал, продолжая смотреть на Угля.

— Мастерская была недалеко от моего дома, до Катастрофы там работало несколько человек.

Лина сразу насторожилась.

— Сколько?

— Сначала восемь.

— И что с ними стало?

Михаил посмотрел на Угля.

— Остались двое.

— Остальные?

— Ушли.

— Куда?

— Кто куда.

Лина ждала. Михаил не продолжал.

— Вы можете рассказать?

Он провёл ладонью по лицу.

— Могу. Только не знаю, зачем.

— Потому что я хочу понимать.

Михаил посмотрел на неё.

— Хорошо.

Он откинулся назад, опираясь руками о траву.

— Первые месяцы я думал, что самое страшное — голод.

— А потом?

— Потом понял, что ошибался. Люди начали меняться.

Лина ничего не сказала.

— Не сразу, — продолжил Михаил. — Сначала человек просто забывал. Всё подряд. Иногда это выглядело почти смешно. Мужчина мог забыть, зачем вошёл в комнату. Потом вспомнить. Потом снова забыть.

— А потом?

— Потом некоторые переставали узнавать людей.

Лина опустила глаза.

— Совсем?

— Иногда на несколько минут. А потом на час. Потом на весь день.

Уголь открыл глаза. Посмотрел на Михаила.

— Была женщина, — продолжил Михаил. — Нина Петровна. У неё был сын лет десяти.

— Она перестала его узнавать?

— Да.

Лина почувствовала неприятный холод.

— Она хотя бы понимала, что это её сын?

— В хорошие дни — да. А в плохие? Спрашивала, кто он.

Лина молчала.

Михаил опустил голову.

— Иногда она плакала. Иногда злилась. А иногда просто смотрела на него и улыбалась. Будто всё нормально. Через несколько недель она перестала задавать вопросы.

— Стало лучше?

— Нет. Она перестала говорить вообще.

— А другие?

— У каждого было по-своему. Один человек повторял одну и ту же фразу: «Надо идти домой». Но он был дома. И всё равно говорил. Сотни раз. Другой каждый вечер переставлял стулья. Пока не оставалось свободного места. А потом начинал сначала. Ещё один мужчина стоял у окна по несколько часов. Говорил, что ждёт. Кого — не знал. Иногда отвечал: «Он уже идёт».

Лина почувствовала, как внутри всё замерло.

— Что вы думали тогда?

— Что люди сходят с ума. Это было самое простое объяснение. Самое человеческое.

— А потом вы передумали?

— Не сразу. Я заметил одну странность. Иногда человек вдруг приходил в себя.

— Сам?

— Иногда. А иногда... когда рядом был Уголь.

В саду стало тихо. Лина не торопила его.

— Первый раз я не придавал этому значения, — продолжил Михаил. — Один мужчина несколько дней почти не разговаривал. Сидел у стены. На вопросы не отвечал. Уголь просто лёг рядом. Ничего особенного. Но минут через двадцать человек пришёл в себя. Попросил воды.

— Это могло быть совпадением.

— Конечно. После первого раза — да. После второго тоже. А потом я перестал считать.

— Сколько было случаев?

— Не знаю точно. И всегда рядом были кошки. Не только Уголь. Но я не знаю, связано ли это.

— Вы записывали?

Он улыбнулся.

— Нет. Зачем? А сейчас понимаю, что должен был. Потому что после Катастрофы начинаешь запоминать всё, что хоть раз помогло человеку остаться человеком.

Лина почувствовала, как эта фраза осталась внутри. Не как ответ. Как что-то другое.

— А тот человек, которому стало лучше рядом с Углём, — спросила она, — что с ним случилось потом?

Михаил долго молчал.

— Ушёл.

— Выздоровел?

— Не знаю. Он не мог говорить. Но узнавал людей.

— Тогда почему ушёл?

— Потому что все ушли. И потому что когда кошки уходили, людям иногда становилось хуже. Кошка же не всегда должна жить рядом с человеком, чтобы быть с ним.

Уголь поднялся. Отряхнулся. Лис тоже встал.

— Ты его заберёшь? — тихо спросила Лина.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не вещь.

— Но ты хочешь, чтобы он был рядом.

Михаил посмотрел на неё.

— Да. Иногда любить — это не держать.

Они двинулись обратно к дому. Уголь не пошёл за ними. Он остался в траве, наблюдая, как они уходят. Но когда Лина и Михаил поднялись на крыльцо, она услышала тихие шаги.

Уголь шёл за ними. Не как домашний питомец. Как гость, который решил зайти.

Он запрыгнул на ступени. Лис уступил ему место. Два кота лежали рядом, не касаясь друг друга.

Вечером Лина открыла свой блокнот. Писать о произошедшем не стала.

Она долго смотрела на чистую страницу. Потом записала только одну фразу:

«Сегодня я впервые увидела, как они сидят вместе».

Подумала. И добавила:

«Может быть, именно поэтому автор дневника писал про пары.

После Катастрофы уцелели не только люди.

Уцелели какие-то связи, которым люди ещё не придумали названия.

Но пока я не знаю, что это значит. И не хочу угадывать.

Пока достаточно просто видеть.

Лис. Уголь. Михаил.

И я — не одна».

Глава 13. Не доказательство

Уголь пришёл вечером.

Лина слышала его раньше, чем увидела.

Тяжёлые шаги по деревянному крыльцу.

Потом короткое мяуканье.

Лис, лежавший на подоконнике, сразу поднял голову.

Михаил отложил книгу.

— Опять.

— Он теперь приходит каждый вечер?

— Похоже.

Уголь вошёл, не дожидаясь приглашения.

Прошёл через комнату, остановился возле камина и лёг.

Лина посмотрела на него, затем открыла книгу, но читать не смогла.

В голове снова возникали слова Михаила о первых месяцах после Катастрофы.

Люди, которые переставали узнавать близких.

Люди, повторявшие одни и те же фразы.

Люди, которые продолжали выполнять какие-то действия, хотя уже не могли объяснить зачем.

И вдруг Лина спросила:

— А вы сами помните первый день?

Михаил посмотрел на неё.

— Катастрофу?

— Да.

— Большую часть.

— А что было потом?

— После самой Катастрофы?

— Да.

Он немного подумал.

— Первое время все просто пытались понять, что произошло.

— А вы?

— Я тоже.

Лина закрыла книгу.

— Мне было 11 лет. Я почти ничего не помню.

Михаил удивился.

— Совсем?

— Отдельные куски.

Она посмотрела на окно.

— Свет. Шум. Людей на улице.

— А потом?

— Потом пустота.

Михаил молчал.

Лина некоторое время собиралась с мыслями.

— Я помню, что в тот день родители ушли.

— Куда?

— Не знаю.

— Вместе?

— Кажется, да.

Она нахмурилась.

— Или сначала ушёл папа, а мама потом пошла за ним. Я не уверена.

— Они вернулись?

Лина покачала головой.

— Нет.

Это «нет» прозвучало очень спокойно.

Слишком спокойно. Михаил понял это.

— Ты их искала?

— Я боялась.

Она улыбнулась без радости.

— Первые дни я была уверена, что они просто не могут добраться домой.

— Почему?

— Потому что дороги были перекрыты. Люди не понимали, что происходит. Кто-то говорил на улице, что на другом конце города пожар. Кто-то — что разрушился мост.

Она помолчала.

— Я ждала.

— Долго?

— Да.

— Одна?

Лина посмотрела на Лиса.

— Нет.

Кот спал на подоконнике.

— Со мной был Лис.

Михаил улыбнулся.

— Он был с тобой ещё тогда?

— Да.

— Он твой?

Лина задумалась.

— Теперь — да.

— А раньше?

— Не совсем.

Она посмотрела на кота.

— Он просто жил рядом. Иногда приходил к нам. Мама его подкармливала.

— А потом?

— Потом остался со мной.

Лина замолчала.

Ей вдруг снова вспомнилась та первая ночь.

Квартира.

Темнота.

Она сидит возле двери и прислушивается к звукам на лестнице.

Каждый звук заставляет её поднимать голову.

Каждый раз она думает: **сейчас**.

Сейчас мама откроет дверь.

Сейчас войдёт папа.

Но дверь не открывалась.

Лис сидел рядом.

— Я поняла, что они не вернутся, но не сразу, — сказала Лина.

— Когда?

— Когда перестала ждать шаги на лестнице.

Михаил ничего не сказал.

— Сначала я ждала каждый вечер. Потом только ночью. Потом перестала ждать.

Она провела рукой по столу.

— А потом в доме закончилась вся еда и вода. Двери квартир соседей были открыты, и я какое-то время искала еду и воду для себя и для Лиса там, потом всё закончилось и там.

— И ты ушла?

— Да.

— Одна?

Лина кивнула.

— С Лисом.

Михаил посмотрел на кота.

— Как вы добрались сюда?

— Не помню весь путь.

— А библиотеку?

Лина улыбнулась.

— Её я помню. Я не знала, куда идти. Просто помнила библиотеку. Раньше я часто туда приходила. Ещё до Катастрофы. И мама тоже иногда брала меня с собой. А папа всё шутил, что однажды я прочитаю все книги и тогда библиотека закроется за ненадобностью.

Лина улыбнулась.

— Мне было страшно быть дома... И я не знала другого места. Город был неузнаваем. Машины стояли брошенными. Дома были открыты. На улицах почти никого. Иногда я видела людей. Но старалась обходить их. Я не знала, кто они, и что с ними произошло. Лис всё время шёл рядом. Иногда забегал вперёд. Потом возвращался. Библиотека оказалась открыта, людей не было. Лис вошёл первым. Я зашла за ним. Все было развалено, книги валялись на полу. Некоторые полки были опрокинуты. Но само здание почти не пострадало. Здесь были толстые стены. Подвал. Вода. Старые одеяла в подсобке. Генератор. Небольшая кухня для сотрудников. И главное — книги.

— Поэтому ты осталась? — спросил Михаил.

— Да.

— Из-за книг?

Лина посмотрела вокруг.

— Не только.

— А из-за чего?

Она подумала.

— Здесь было тихо.

Пауза.

— И никто меня не искал.

Михаил понял.

— Ты хотела, чтобы искали?

Лина опустила глаза.

— Первое время — да.

Она улыбнулась.

— Потом я поняла, что если кто-нибудь придёт, я испугаюсь.

Михаил ничего не ответил.

Лис вдруг спрыгнул с подоконника и подошёл к Лине. Потёрся о её ногу.

Она машинально погладила его.

— Он остался со мной, — сказала она.

— Лис?

— Да.

— Поэтому ты так ему доверяешь?

— А кому ещё?

Лина посмотрела на кота.

— В тот период у меня не осталось никого.

Михаил долго молчал. Потом тихо сказал:

— Понимаю.

— А вы? — спросила Лина. — Как вы выжили?

Михаил ответил не сразу.

Уголь лежал у печки, свернувшись чёрным клубком.

— Не знаю, — наконец сказал он.

— В смысле?

— Иногда мне кажется, что знаю. А потом понимаю, что просто придумываю объяснение.

— Но вы же помните первый день?

— Отдельными кусками.

— Как и я.

Он кивнул.

Лина немного помолчала.

— Вы были один?

— Нет.

— С кем?

Михаил посмотрел на Угля.

Но ничего не сказал.

Лина проследила за его взглядом.

— С ним?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.